

Глава 19. Дополнительная история: Му Юаньюн

Небо, ещё минуту назад сиявшее чистой лазурью, стремительно налилось свинцом. Хлынул унылый, бесконечный дождь.

Сцепив зубы, Му Юаньюн с треском оторвал лоскут от своего некогда роскошного одеяния — теперь изорванного и перепачканного жёлтой глиной. Дрожащими руками он туго перевязал содранную при падении кожу, силясь унять кровь.

Холодные капли нещадно хлестали по лицу, сырой воздух забивал ноздри. Не сдержавшись, он хрипло, надсадно чихнул.

Мотнув головой, Му Юаньюн опёрся о шершавый выступ скалы и попытался подняться. Но стоило ему перенести вес на правую ногу, как лодыжку прошила острая, изнуряющая боль. Он пошатнулся, застонал и едва не рухнул обратно в грязь.

Сорвавшийся под его ногой обломок породы с сухим шорохом покатился по склону. Му Юаньюн безвольно проследил за ним взглядом. Камень скакал всё ниже и ниже, пока не канул в густом переплетении ветвей далеко внизу.

Он зажмурился, не в силах смотреть в бездну. Побелевшими пальцами вцепившись в спасительный валун, он пытался заглушить пульсирующую в ноге муку. Кажется, перелом.

«Му Юаньюн, о Му Юаньюн, как же ты докатился до такой жизни?»

— Ваше Величество, горы Циньшань коварны и круты, там полно теснин и лощин. Стоит оступиться — и мы окажемся в ловушке. Этот поход на запад затеян без всякой уверенности в победе. Нельзя верить одним лишь сладким речам Ма Чжуна. Личное присутствие государя на поле боя — дело нешуточное! Государь, умоляю, одумайтесь!

Человек, распластавшись перед ним, почтительно касался лбом холодного пола.

Но тогда эти речи лишь раздражали его.

— Евнух Кон, вы что же, смыслите в ратном деле или когда-то вели за собой полки? — ехидно, противным тонким голосом вмешался стоявший рядом Ма Чжун. — Рассуждаете так складно, а речь ведь о жалких дикарях, забившихся в свои норы. Стоит нашему грозному войску двинуться вперёд, как они сами приползут на коленях молить о пощаде. И капли крови проливать не придётся!

Договорив, Ма Чжун поднял голову и преданно заглянул императору в глаза:

— Ваше Величество, этот поход необходим, чтобы сокрушить спесь этих варваров. Пусть уяснят раз и навсегда: шутки кончились. Мы больше не станем сквозь пальцы смотреть на их бесчинства ради кучки дешёвых подношений.

— Ты!.. — стоявший на коленях Кон Цзяцзы вскинул голову, гневно сверкнув глазами в сторону военачальника. — Ма Чжун! Понимаешь ли ты, что если с государем в этом походе что-то случится...

— Евнух Кон, вы никак на стороне мятежников? С чего бы вам так рьяно мешать нашему триумфу? Войско ещё шаг не сделало, а вы уже накликаете беду на священную особу! Наш повелитель — Сын Дракона, само Небо хранит его от любых невзгод...

— Довольно, прекратите эту перебранку, — холодно оборвал их Му Юаньюн. — Кон Цзяцзы, поднимись. Моё решение твердо.

Полный отчаяния и боли взгляд Кон Цзяцзы навсегда врезался в его память. Тот застыл, не веря своим ушам. Евнух беззвучно шевельнул губами, сию минуту произнести что-то, но так и не решился нарушить волю господина.

Лишь теперь, в этой глуши, Му Юаньюн наконец понял, что читал тогда по его губам...

— «Только бы с вами ничего не случилось», — едва слышно прошептал Му Юаньюн одними губами и вдруг горько, безудержно рассмеялся.

Каким же идиотом он был! Круглым, напыщенным глупцом, не сумевшим разглядеть истинную личину предателя Ма Чжуна. Достаточно оказалось нескольких сладких лживых слов, чтобы он возомнил себя всемогущим владыкой. Небесный избранник, надо же! Думал, перед ним расступятся горы, а вражеские стрелы будут послушно огигать его стороной?

Грудь сдавил судорожный кашель — он захлебнулся дождевой водой. Мокрые пряди облепили лицо, холод пробирал до костей.

«Великие предки... До чего же я докатился?»

Где теперь всё его величие, где несметные богатства? Перед лицом смерти император ничем не отличается от бездомного пса. Одно неверное движение — и конец.

Сцепив зубы, Му Юаньюн цеплялся за мокрые камни и волочил сломанную ногу, преодолевая

сантиметр за сантиметром. В памяти вспыхнула сцена перед падением. Лицо Ма Чжуна, который заговорщически наклонился к нему и прошепел:

— Ваше Величество, глядите-ка — теперь здесь остались только вы и я. Вы ведь сами прогнали верного евнуха Кона. Бросили ему одну лишь лошадь и велели убираться в столицу. Какое бездушие! А ведь он был единственным, кто любил вас всем сердцем... Как думаете, выживет ли изнеженный слуга в этих диких лесах, кишящих врагами? Наверняка его холодный труп уже гниёт где-нибудь у дороги...

— Ты!.. Ма Чжун, ты замыслил измену?! — закричал он тогда, задыхаясь от ярости и неверия.

— Измену? Ну что вы, я спасаю страну! — ухмыльнулся предатель. — Му Юаньюн, неужели ты всерьёз верил, что такой никчёмный дурак, как ты, волею слепой удачи оставшийся единственным выжившим принцем династии Му, сможет вечно удерживать трон? Когда я прикончу тебя, то объявлю, что мерзкий евнух Кон устроил заговор и похитил императора. Мне же придётся спешно вернуться с войском в столицу, дабы взять бразды правления в свои руки во имя спасения государя...

Ма Чжун с наслаждением впитывал каждую каплю ужаса и бессильной ярости на лице своего господина. Ради одного этого зрелища стоило тратить время на пустую болтовню. Довольный собой, он медленно потянул клинок из ножен.

Но в этот миг Му Юаньюн истошно завопил:

— Кон Цзяцзы, спаси меня!

Генерал инстинктивно обернулся на крик, ожидая нападения с тыла. Раздался громкий шорох обвала. Когда Ма Чжун повернул голову обратно, императора на краю кручи уже не было — тот без раздумий бросился вниз по склону. Мелькнуло лишь жёлтое пятно парадного халата, и в следующее мгновение беглец бесследно исчез в густой зелени.

Ма Чжун едва не прыгнул следом, но вовремя остановился.

«Не хватало ещё свернуть себе шею из-за этого ничтожества», — подумал он.

Он долго стоял на краю обрыва, мрачно вглядываясь в колышущиеся кроны деревьев. То, что ему не удалось лично вонзить клинок в сердце императора, оставляло неприятный, тревожный осадок. Но времени на сожаления не оставалось — нужно было срочно готовить оправдания для двора и планировать захват власти.

Опираясь спиной о влажную скалу, Му Юаньюн упрямо продвигался вперёд. Ему казалось, что

он преодолел огромное расстояние, но стоило оглянуться, как сердце сжалось от тоски: скалистый выступ, у которого он лежал в самом начале, виднелся всего в нескольких шагах. Он не прошёл и десятка метров.

Холодное отчаяние сковало разум. Дождь не прекращался, склон становился всё более скользким, а впереди зияла бездонная пропасть. Нога онемела, отзываясь лишь тупой, изматывающей болью при малейшем движении.

«Конец. Это действительно конец».

Но в шуме дождя ему упрямо слышался тихий, почти беззвучный шёпот. В сознании с пугающей ясностью всплывало лицо Кон Цзяцзы. Его покорно склонённая голова, затаённая мольба в глазах и едва заметное движение губ: «Только бы с вами ничего не случилось».

«Изнеженный слуга... Наверняка его хладный труп уже гниёт где-нибудь у дороги...» — зловещим эхом вторил голос предателя.

Грудь сдавило от невыносимой, жгучей тоски. Чувство вины и раскаяния переполнили его душу, выжигая всё изнутри.

«О чём ты только думаешь, жалкий дурак?! — Му Юаньюн мысленно отвесил себе звонкую пощёчину. — Неужели ты надеешься, что человек, которого ты предал и обрёк на смерть, вернётся ради твоего спасения?»

«И всё же... Кроме него, никто в целом свете не придёт».

— Ха-ха-ха... Ну и убожество, — хрипло рассмеялся он, запрокинув голову к свинцовому небу. Дождь хлынул в открытый рот, Му Юаньюн закашлялся, давясь водой, и бессильно сполз по каменистой стене прямо в липкую грязь. — Так тебе и надо. Ты заслужил эту смерть. Заслужил...

Он закрыл глаза, окончательно покоровшись судьбе. Какая, в сущности, разница, как наступит конец? Выследит ли его погоня Ма Чжуна, чтобы оборвать никчёмную жизнь ударом меча, или же он просто окоченеет здесь от холода и голода? Исход один. Смерть.

Но время шло, а смерть всё не наступала. Дождь постепенно утих, сменившись сырым туманом, а промокшая одежда начала подсыхать от тепла угасающего тела. И никто не шёл по его следам. Му Юаньюн криво, горько усмехнулся собственной глупости. Как иронично — он до последнего верил, что его персона невероятно важна, раз за ним должны немедленно снарядить погоню. Оказалось, он никому не нужен.

Собрав последние, неведь откуда взявшиеся крупницы сил, он вновь заставил себя подняться. Перепачканный грязью, спотыкаясь и волоча искалеченную конечность, он упорно пошёл

вперёд.

«Я должен выжить. Чего бы это ни стоило, я должен выжить».

Эта мысль, точно навязчивое заклинание, упрямо стучала в его воспалённом сознании.

Он шёл вперёд сквозь пелену тумана, теряя счёт минутам и часам. Когда силы окончательно иссякли, тело прошиб холодный пот. Лихорадка, спровоцированная ледяным дождём, наконец взяла своё, перед глазами всё поплыло.

— Кха... — он судорожно хватал ртом воздух, цепляясь за поваленный ствол сосны. С трудом разогнув спину, Му Юаньюн поднял отяжелевшую голову и сквозь пелену бреда различил впереди слабое, дрожащее мерцание костра.

Неужели люди?

Эта мысль принесла мгновенное облегчение, и остатки воли покинули его. Колени подогнулись, и он с глухим стуком рухнул ничком на сырую землю. Сознание готово было угаснуть.

Однако шум падения, должно быть, привлёк обитателя лагеря. Послышался шорох шагов, шуршание широких шёлковых рукавов, и над ним склонился силуэт. Чьи-то прохладные пальцы мягко коснулись его подбородка, приподнимая голову, словно пытаясь разглядеть лицо в полумраке.

— Кон... Цзя... цзы?.. — едва слышно прошептал он, сясь сфокусировать угасающий взгляд. Очертания лица казались до боли знакомыми. Наверняка это лишь милосердный бред умирающего от лихорадки разума.

Но видение не исчезло. Родное лицо приблизилось, мягкие тёплые ладони принялись бережно стирать грязь с его щёк. И в глазах этого человека, обычно бесстрастных, впервые отразился такой глубокий, неподдельный ужас.

— Господин?! Что с вами?..

Это действительно был он. Живой.

Му Юаньюн попытался улыбнуться разбитыми, искусанными губами:

— Наверное... я всё-таки умер. Но это к лучшему. Хоть на том свете встретил тебя... Чтобы сказать... прости меня, Кон Цзяцзы...

— Господин, да у вас сильный жар! — прохладная ладонь легла на его пылающий лоб, принося невыразимое, блаженное облегчение. Му Юаньюн инстинктивно прильнул к этому источнику прохлады, словно боясь упустить его.

«Подожди... Это не сон!»

Вспышка осознания на миг прояснила туман в голове. Му Юаньюн широко распахнул глаза, несколько раз моргнул и резко, изо всех сил вцепился в тонкие, прохладные запястья юноши.

— Кон Цзяцзы?! Это правда ты?!

Уголки его глаз мягко дрогнули, являя слабую, тёплую улыбку:

— Да, господин. Это я.

Этот нежный, тихий голос мгновенно разбил последние оковы его напускной стойкости.

Му Юаньюн смотрел на него, не отрываясь, словно на величайшее сокровище мира. Крупные горячие слёзы покатились по его грязным щекам. Он судорожно вздохнул и, крепко, до боли сжав ладони евнуха, разрыдался, как испуганный ребёнок:

— Кон Цзяцзы... Прости меня... Я был таким дураком! Я так виноват перед тобой!

— Ваше Величество, государю не пристало говорить о себе «я». Вы должны именовать себя «Мы», — мягко поправил его Кон Цзяцзы.

— Не надо... Не хочу никаких «Мы»!.. — Му Юаньюн отчаянно мотал головой, размазывая слёзы по лицу. — Я совершил ужасную ошибку... Прости меня, умоляю!..

Юноша тихо, с мягким укором вздохнул и бережно отер пальцами его слёзы.

— Полно, Ваше Величество. Не плачьте.

— Я больше не хочу быть императором... Из меня никудышный правитель... Я со всем справился из рук вон плохо!

— Даже если не получается, вы обязаны им быть. Это ваш долг.

— Все они... они презирают меня! Считают ничтожеством!

— Отныне никто не посмеет поднять на вас взор с презрением. Обещаю.

— Ты... ты тоже лжёшь мне! — Му Юаньюн разрыдался ещё безутешнее, сминая в кулаках дорогую шёлковую ткань рукава Кон Цзяцзы. — Все вы только и делаете, что врёте! И ты... ты тоже предашь меня, как предатель Ма Чжун!..

Кон Цзяцзы ласково, успокаивающе погладил его по растрёпанным, влажным волосам.

— Ваш покорный слуга... никогда не посмеет обмануть своего господина.

<http://bllate.org/book/18226/1758315>